

УДК 2

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ АКУПУНКТУРА РЕЛИГИОЗНЫХ СТИХОСЛОЖЕНИЙ

Костенич Владимир Анатольевич,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье обсуждаются вопросы построения религиозного дискурса, его тематических спиралей и мировоззренческих ортодоксий посредством поэтических средств и мыслеобразов.

Любая форма общественного сознания предполагает разнообразные версии и вариации своего «публичного оформления», позволяющие ей максимально доходчиво и вместе с тем ёмко-образно «(вы)сказаться вовне», предьявить собственные ракурсы «отношений с Миром» и взвинтить температуру душевной палитры своих приверженцев. Религиозная идентичность не является исключением. Более того, она богата художественными изысками и жанрами бытия в культуре (архитектура, иконопись, молитва, символическая хореография храмовых литургий и песнопений, риторика проповедей и таинств, реквиемы музицирующего духа и т.д.). Как нам представляется, одним из весьма индикативных способов религиозного «смысловыражения», вестником его мировоззренческого пафоса и житийной атрибутики выступают *«рифмосплетения поэтических од Богу и вере»*, взволнованно и концентрированно наделяющих религиозность статусом экзистенциальной реальности, которая эманурует внутри себя «стихиями переживаний», нуждающихся в логосной (а, попутно, и в логопедической) огранке для «своих и страждущих». В этой связи, было бы интересно взглянуть не только на *«хронотопы оглавления» сборников религиозных стихов, их геодезию построения тематических спиралей* (своего рода, «пункты сбора векторных артикуляций»), но и на содержательные пазлы диалектических состыковок архетипов брэнной посюсторонности с зовами абсолютной Вечности.

Взяв в качестве «литературного источника» один из таких (правда, анонимизирующих персональное авторство!) сборников [1], мы сразу же обнаруживаем неожиданное *быто-бытийное наслоение «новогодней календарности»* (как «точки отсчёта» для дальнейших духовных путешествий и дифирамбов Творцу) и *«сакральной хронологии» двенадцатых христианских празднеств* и молитвоподобных томлений, подключающих (верующего) человека к дантовым кругам преткновений Судьбы Богочеловека. Бог «даёт знать о себе» уже в Новогоднюю ночь, ибо в этой земной паузе замешательства времени, в момент дорождественской временности, Мир взывает «обновления Вечным»; нуждается в «лицезрении Лица»; почти астматически ждёт «преображения чудом»; тревожно-дрожно задумывается над «эсхатологическими финалами» своего жизненного удела.

«...Вот Новый год стучится у порога. / Ещё одна потушена свеча, / Ещё одна зажглась рукою Бога»... // «Уходит год! Последние минуты / Уходят возвратно... навсегда. / О дни мои! Как быстро вы прожиты! / Умчались в вечность, как в реке вода»... // «Мы на земле транзитом – пассажирами, / Всё ближе цель – недолго нам скитаться. / И скоро завершим мы, финишируя, / Последний год и круг своих дистанций»... // «И станут менования судьбами / За всё, что могли и не сделали, / За праздники наши и будни, / За наши одежды не белые» [1, с. 18, 13-14, 15, 17].

Парадокс, однако, состоит в том, что Творец, с одной стороны, для каждого (отдельного) человека, как бы есть безусловная «априорная данность», а с другой стороны, Он, столь же одновременно, «ещё (только) предстоит» Миру (в целом и, в частности) в попытках (со)общения с Ним через соучастие в Его назревающей «земной биографии». *Рождество – Крещение – Вход в Иерусалим и Страсти Христовы – жертвенная Смерть на Голгофе – Пасхальное Воскрешение – Вознесение – Троица (сошествие Святого Духа на избранных) – Преображение (не избранных):* таковы пространственно-временные «центры»

божественной драмы и её параллельных поэтических гимнов и пьет. Причем, наибольшее число страниц в этой бытийной истории Творца отведено Голгофе (!), как «зоне перехода» от земных мытарств Богочеловека в «ветхом мире» человеческих грехопадений к «новой эре» искупающей жертвенности; от теории к праксису Спасения; от притчевого диссидентства увещевающих иносказаний к подвигу покаяния Смерти в черных дырах смертности.

«Ликуй, Земля! Из лабиринта / Греха, нужды и суеты / Отныне в вечность дверь открыта, / В обитель божьей чистоты» ... // «Он пришёл разбить око-вы, / Разбудить того, кто спит. / Он пришел Заветом Новым / Смерть навеки победить» ... // «Стою в смиренье у подножья той картины: / Вот ржавый гвоздь, забытый за любовь, / И руки, распростертые невинно, / Спешат об-нять и дать спасенье вновь» ... // «За всё человечество Кровь пролилась / Ценой искупленья бесценной, / Голгофа над грешной землёй поднялась / И сде-лалась Центром Вселенной! / И, всё расширяя объятия свои, / Во всей мировой круговерти, / В веках Крест Голгофский стал осью земли, / Чертой между жизнью и смертью!» ... // «Его святое воскресенье / Приговорило к смерти смерть; / И слышал ад в оцепененье: / «Спасённых брать к себе не смей» [1, с. 32, 50, 98, 144, 159].

Вторая часть поэтического сборника христианских стихов «возобновляет» разговор о Творце и творении, о Боге и человеческом присутствии в сотворенном бытии, с акцентом на теме «встречного Пути», который должен (со своей стороны) пройти человек, «признавший Творца» и жаждущий осмысленного существования перед лицом «воплотившейся Вечности». При этом сама «коммуникация» между Богом и человеком оказывается «извилисто антиномичной», полной страхов и опасений, перегруженной сомнениями в способности «праха земного» осилить «абсолютный пример» Творца без Его милосердной поддержки. Отныне «голгофит» самого человека...

«Я живу в коротком промежутке – / Радость жизни душит смерти страх. / И порою мне представить жутко, / Что я прах бездушный, только прах!» // «Христос и я – два полюса далеких... / Он свят. Он чист, как белые снега. / Моя душа страдает от пороков. / Осмелюсь ли на святость посягать?» ... // «Он терпелив – во мне терпенье крохи, / Горит огонь в Нем – в моем сердце лёд, / Дарит Он радость, я – печаль и вздохи, / Он – над землей, мне недоступен взлет»... // «Мой каждый шаг творит мою судьбу. / Иду к Тебе с повинной головою. / Благослови, Господь, начать борьбу, / Борьбу тяжелую с самим собою» [1, с. 368, 494, 495, 353].

Попутно обнаруживается и происходит нечто крайне странное. Человек начинает обращаться к себе словно... «устаи Бога изнутри»; его (личная) речь теряет «субъективные очертания» и все более «выглядит как интериоризованный «голос Творца», суфлируемый этикой сердца, насыщенного свершающимися самоопределениями, на фоне отмечаемых страстей и их (тьмы) темных соблазнов. Смерть становится победной реляцией духовного прозрения и «живой метафорой» грядущего перерождения. Интенсивность самоосуществления превращается в «бытийный заказ» (самого) Творца!

«Хорошо знать о свете, / Лучше ходить во свете, / А наилучше – самому быть светом»... // «Нет! Не жалеи веселия земного! / Беги от ига знойного

страстей! / Тьма ждет тебя и погубить готова. / О, не стремись к отверженному снова, / К теплу обманчиво мерцающих огней!»... // «Не бойся умереть. Боятся разве зерна / Пшеницы или ржи, когда для них земля / Могилой станет? Кротко и покорно / Они умрут, чтоб вновь цвели поля!»... // «Успеть свершить благое дело, / Кого-то ободрить в пути, / В дом, где от скорби потемнело, / Успеть бы вовремя зайти»... // [1, с. 401, 215, 326, 337].

Ну и, конечно же, «божьими» ориентирами на пути к «последнему (вечному) приюту» райской подлинности оказываются «Вера, Надежда и Любовь», спасающие от бездн уныния, от капитуляций «стенаний Иова», от меркантилизма бартерного обмена «безбожными любезностями» ритуальной религиозности. Но главная среди них – смиренная Любовь!

«Любовь всегда и всё прощает, / Она надеждою живёт, / Плохое вечно забывает / И впредь хорошее лишь ждет»... // «Утром оправдывается надежда, / Вера всё увидит и умрёт. / А любовь, сильнее став, чем прежде, / Двух сестер своих переживет» [1, с. 548, 556].

Литература

1. Сборник христианских стихов. Т. 1. – Минск: Белорусский Дом Печати, 1997. – 608 с.